

Редко удается увидеть наш парламент в хорошем настроении. Может быть, поэтому именно оно бросалось в глаза, когда Николая Губенко утверждали министром культуры СССР. Из этого дня запомнилось еще, как после заседания министр прорывался сквозь плотное кольцо журналистов: «На спектакль опаздываю...» А на следующее утро, когда начались наши беседы с ним, вылившиеся в эту публикацию, его домашний телефон буквально разрывался от звонков желающих поздравить. Но настроение у него было не праздничное...

— Почти нет звонка или телеграммы, в которых бы не было слов сочувствия. Таковы обстоятельства с культурой в стране, что сочувствие не менее уместно, чем поздравления. Галина Волчек назвала меня самоубийцей. Уже пошли анонимки — что ж, дело привычное: в Театре на Таганке их у нас целая подшивалка.

— Николай Николаевич, раскройте секрет, об этом раньше спрашивать не полагалось: при каких обстоятельствах и кем вам было предложено стать министром?

— Не знаю, чья это инициатива. Знаю только, что было несколько кандидатур. Остановились на К. Ю. Лаврове, который сам отказался: на нем сейчас СТД СССР и БДТ, как бы завещанный ему Товстоноговым.

Неожиданно вызвал Вадим Андреевич Медведев. Последние два года я сам обычно просил принять меня в высших инстанциях. Главным образом, чтобы вернуть в театр Ю. Любимова, да еще нормально работать. И на этот раз восполнялся случаем, чтобы пробить Любимову квартиру, многократную визу — ведь у него масса контрактов, жена иностранка... А когда не мог больше злоупотреблять временем члена Политбюро, то не удержался и спросил напоследок: а что же здесь, в центре, думают о том, кто будет министром культуры? И вдруг услышал: «А собственно, я хотел узнать ваше мнение, кто бы мог». Такой незатейливый шахматный ход. Я ответил: «Ходят слухи, что Кирилл Юрьевич прочат». «Да нет, к сожалению, Кирилл Юрьевич отказался». Поговорили об авторитете Д. С. Лихачева, и вдруг: «Многие рекомендуют вас».

— И что же вы?

— Я потерял дар речи. На следующий день хотели уже назначить мне встречу с Н. И. Рыжковым. Я подумал, время подумать. Думал недели три, прежде чем пойти на встречу с Николаем Ивановичем.

— С кем советовались?

— Прежде всего с семьей, с женой, но и с друзьями, которых у меня очень мало. Я понимал, конечно, в какое положение ставлю театр, но два года мы делали все, чтобы Таганка вернулась в руки Любимова. Так или иначе я намерен был уйти, потому что в апреле спланировал запуск новой картины на «Мосфильме». Все складывалось хорошо: Юрий Петрович окончательно берет театр, я ухожу в кино, а в театре работаю, как прежде, время от времени. Но все изменилось.

— Как ваша жена, Жанна Болотова, отнеслась к вашему назначению?

— Очень плохо. Жанна считает, что я должен снимать и играть. К тому же мы с ней домоседы.

— Что же в конечном итоге определило ваше решение?

— Мне не хочется говорить каких-то высоких слов. Скажем так: желание попытаться войти внутрь оболочки, называемой государственным механизмом, и понять, действительно ли ничего невозможно сделать, а если возможно — то сделать.

— Как у вас самого складывались отношения с этим механизмом?

— Чехов говорил, что художник должен заниматься политикой постольку, поскольку он должен от нее обороняться. Наверное, это так. Но отношения с государством, с властью сопровождают тебя всю жизнь, становятся до такой степени привычными, что ты даже не вычленишь их. Все обычно в этом случае говорят о негативном, как их прижимали, унижали, обвиняют бывших министров. Но отдам себе отчет: государственная политика была такова, что многие книги, живопись, музыка, фильмы были закрыты для аудитории. И человек, занимавший тот или иной пост, был проводником такой политики. Если он не хотел этого, он вынужден был уйти. Сейчас политика изменилась. Прежде, вы сами понимаете, мне бы не предложили этот пост.

— Летом в Верховном Совете было много дебатов, нужно ли нам Министерство культуры в принципе. В США его нет, а с культурой вроде бы все в порядке.

— Зато там есть частные фирмы, Госдепартамент, агентства, и в них — тоже чиновники, управленцы. Какая разница, как называть. У них есть четкая система учета, банк информации...

Я хотел бы упразднить в отношении к искусству понятие «управление». Но культурой управлять необходимо, особенно сегодня, когда на нее дают, как на 1990 год, 1,2 процента госбюджета. Как прикажете управлять такой нищетой? Уже сейчас депутаты передали мне свои предложения: один просит железную дорогу для детей, другой — видеокамеры, чтобы фиксировать, как разрушаются памятники архитектуры, третий — еще что-то. Все очень важно. Но, мне кажется, надо выделить основные направления, определить приоритеты и туда пустить деньги, не распыляя их.

— Николай Николаевич, опять крупные программы? Но у нас они всегда превращаются в шумные пропагандистские кампании и ничем не заканчиваются. Разве культура — вся, целиком? — Не должна развиваться равномерно?

— Безусловно. Но тут нужно понять, как быть. Что делать? Не знаю — я ведь пока только актер и режиссер. Главное — нужно знание: что происходит с культурой? Каковы отношения с ней современного человека? Прежде чем давать рецепты, нужен диагноз. Мало сказать: культура гибнет. Нужны ответы на тысячи конкретных вопросов. Пока точно осознаю необходимость долгосрочной (быстро не получится) программы восстановления культуры, спасения того, что еще осталось. Уверен, есть люди, готовые посвятить этому жизнь, и это не дает умереть надеждам. Эти люди в основном в тени, им мешают, их часто преследуют — даже сегодня. Главное — их выявить, создать такую систему,

Фото Ю. ИНЯКИНА

которая не перекрывала бы им кислород. Надо дать дорогу тем, кто может идти. Мне нужны рядом такие люди — творцы культуры, социологи культуры, культурологи. Как их найти? Я обращаюсь к ним через газету: «Приходите, мои двери для вас открыты».

— Вот вы говорите: главное — люди. Мы их теряем безбожно, бесчеловечно. Как, на ваш взгляд, можно приостановить расхищение человеческого фонда в культуре и искусстве?

— Надо ввести практику действительных, а не «мнимых» конкурсов на замещение вакантных должностей. Что касается преподавателей художественных вузов — их роль сегодня колоссально важна, — надо дать возможность всем претендентам публично про-

шенно несведущий во всех этих инструкциях, нормативах, догмах и прочая. Мое мышление, смею надеяться, не сквано ими. Если мне будут говорить: это нельзя, то нельзя, показывать соответствующие документы, приказы, параграфы, подписанные теми или иными лицами, — я буду отвечать: «Извините, я не понимаю, почему нельзя, я беру ответственность на себя». А там мы разберемся.

В Верховном Совете сразу после голосования один депутат наказал мне через несколько месяцев предложить платформу повышения нравственности народа — он, наверное, просто идеалист. Но ведь на поверхности лежит, что тут многое могла бы сделать цер-

Николай ГУБЕНКО:

НАДЕТЬ БЕЛЫЕ ОДЕЖДЫ

С министром культуры СССР беседуют специальные корреспонденты «ЛГ» Елена ЯКОВИЧ и Евгений КУЗЬМИН

явить себя, может быть, на серии открытых уроков, лекций и т. п. Надо, мне думается, менять систему профессионального образования. Абитурient, принятый на первый курс ГИТИСа, ВГИКа, не обязательно станет актером или режиссером. Гарантируя ему такое право вручением диплома, государство берет на себя обязательство трудоустроить его по профессии и часто калечит ему жизнь. Но кто может быть уверен в том, что студент-первокурсник непременно станет Художником? Что можно сделать для студента, связавшего себя надеждой на будущее в искусстве, чтобы, не унизая его достоинства, вовремя (и когда?) переориентировать его? А с другой стороны, надо следить, чтобы аспирант консерватории, например, был застрахован от того, что ему предложат назначение в музыкальную школу как заурядному выпускнику музучилища.

Надо создавать систему востребованности таланта в обществе. Обеспечить закономерность в выявлении талантливых лидеров нации. Ничего не получится, пока мы все — артисты, художники, библиотекари, музейщики — не соберемся вместе, каждый в своем направлении и не выработаем нормальные, на уровне международной практики, законы, которые защитили бы творческого человека от диктата посредственности, обеспечили бы ему права на уровне его дарования. Почему гениальному Святославу Рихтеру, концерт которого стоит 30 тысяч долларов, государство оставляет только 800? Так же, как и прекрасному пианисту Николаю Петрову, чей концерт за рубежом тоже недешев. Если бы они получали отчисления на уровне принятой во всем мире налоговой практики, если бы они имели право сами распоряжаться своими деньгами, сами влиять на окружающую среду, то, может быть, отдала бы, например, 40 процентов Детскому фонду. Или на бедственное положение консерватории. А так — их деньги обезличены. Кто знает, куда они идут?

— Когда нет денег в семье, начинаешь одалживать, продавать, в чем-то экономить. В общем, как-то выкручиваешься. Но нельзя, чтобы в этот момент тебе диктовали, на что тратить деньги. Культура не может быть на хозрасчете, нигде в мире этого нет, но она может найти дополнительные резервы, если ей мешать. К примеру, главные библиотеки страны находятся в ужасающем положении. Но все они — и Иностранка, и Ленинка — могли бы сами зарабатывать, если им дали издательское право.

— Так им нужно дать такое право! Надо прежде всего понять сегодня, что каждый может сделать своей властью. Это же очевидно, это же на поверхности лежит: если библиотека может зарабатывать таким путем — пожалуйте! Слава Богу! Надо разгрузить работников культуры от нелепых, идущих из прошлого обязанностей, idiotских инструкций. Зачем, к примеру, музыкантам писать бессмысленные диссертации — пусть тратят время на учеников, на собственные занятия.

— Николай Николаевич, вы пришли в Министерство культуры, и вокруг вас с первого дня чиновники этого дискредитировавшего себя ведомства. Ясно, что они начинают вам излагать проблемы, исходя из своего видения мира, своего опыта, своих приоритетов, подкрепляя все это цифрами, графиками, сетевыми графиками, диаграммами, — они держат информацию! К тому же проблемы нередко ими и созданы, ими зачастую поставлены с ног на голову, запутаны. И... Все сейчас гадают — и что вы?

— У меня есть одно преимущество. Оно в том, что человек я совер-

ков — будь то христиане, мусульманы, иудеисты, люди других вероисповеданий. Надо всеми способами возвращать к духовности наше весьма разложившееся и разобщенное общество. Почему, если у нас миллионы верующих, не транслировать по телевидению, например, утреннюю службу из Елоховского собора? Почему не отвести по первой программе 15—20 минут на богослужение, чтобы верующие, приходящие к своей постели, приобщались хотя бы к проповеди? Необходимость сотрудничества с церковью очевидна. Тут правда, возникает возможность конфронтации с аппаратной идеологией. Но мы же не зря говорим об альтернативности. Значит, надо будет убеждать.

Я надеюсь, что, принимая свое решение, депутаты слышали мои слова. И о церкви, о студенчестве, о неформалах, об эмиграции — все это хочется реализовать. Постереволюционная эмиграция — эта горстка людей, которым за восемьдесят и которые душой здесь, — должна быть уверена, что наше государство не только гарантирует сохранность их архивов и коллекций, которые они готовы нам отдать, но и не станет селекционировать их по идеологическим признакам. Память — непереносимое условие возрождения культуры народа — должна вмещать все. И счастье, и несчастье. Культура должна быть ограждена от ведомственного произвола.

Деятели культуры, которых вытесняли на Запад, которые из-за невозможности реализовать себя в последние десятилетия покидали страну и волевым решением прежнего руководства лишались гражданства, надо его вернуть. Список. Я имею в виду Солженицына, Ростроповича, Владимова и других. А уж там хотят они его брать или не хотят — их дело.

Я не вижу здесь никакого унижения государственного достоинства. Разве это не нормальный человеческий акт? Это еще один шаг в трудной науке исправления ошибок прошлого.

— Вам кто-нибудь помогал в составлении вашей программы?

— Никто. Но сориентироваться помогли люди, знающие положение дел, печатный и профессиональный опыт. В принципе я почти не готовился. Объясню почему: этот важный пост должен был занять человек без судорожной домашней подготовки последних двух-трех недель. Он должен быть таким, какой есть, — со всеми своими изысками в культуре, образовании, интеллекте, со всей своей импульсивностью, пристрастиями. Да-да, пристрастиями — без них бывает только покойник. Он должен быть тем, кем его создали природа и профессия к тому моменту, когда его выдвинули на этот пост. Поэтому специально готовиться я принципиально не хотел. Я просто посидел и написал свое выступление.

Я мог, конечно, настроить цитат, обработать, выучить наизусть, выдать за свое. Это был бы обман. Не обман то, что к 48 годам есть такой человек, Губенко, за ним что-то стоит, какие-то поступки, что-то в профессии. Вот он перед вами, хотите — берите таким, какой он есть, не хотите — подумайте, кто должен быть вместо него. Только так, по-честному, слишком важный момент.

— Николай Николаевич, до сих пор вы говорили об этом — у вас был опыт и привычка все делать самому. Но теперь вам придется все делать чужими руками, сами всего уже не передадите,

— На первом этапе это самое сложное. Я видел, как Комиссия и Комитет, ведающие культурой в нашем парламенте, бились, чтобы увеличить ассигнования из бюджета, а ведь там есть люди, которые составляют славу нашей литературы, искусства, науки... И они почти ничего не смогли сделать. А в министерство надо набирать таких, которые вместе с ними сделают.

— Вопрос, поднятый на вашем обсуждении в комитете и комиссии Верховного Совета Борисом Васильевым: вы приходите к власти в довольно сложное время, когда намечается раскол среди людей культуры. Есть два пути — на размежевание или на консолидацию. Всех волнует, какую линию вы собираетесь принять.

— Я думаю, нет ни одного серьезного человека, художника, который бы не понимал, что культура — это дело общечеловеческое и ни в коем случае не сепаратное. Но всегда, когда стране тяжело, возникает искушение свалить вину на кого-нибудь другого: возрождается, в частности, идея «жидо-масонского заговора», тупикивая и губительная — и в политике, и в творчестве. Она мне крайне претит как человеку. Я собираюсь приверженцам этой идеи просто, по-человечески объяснить, в чем их неправота и как много они теряют от того, что сужают свои человеческие и художнические интересы. А много пути нет. И проблеме саморазвития национально-го достоинства надо относиться спокойно, не следует бить в колокола. Без соседей, без родственных культур национальная культура все равно не сможет существовать.

— Вы подчеркивали, что видите сегодня задачу созного министерства в том, чтобы дать культурную автономию республикам. Но вот Борис Олейник дважды, когда вас обсуждали и утверждали в Верховном Совете, апеллировал к союзному министерству в вашем лице с просьбой обратить внимание на репертуарную политику театров Украины: в них, оказывается, мало идет украинских пьес.

— Тут парадокс. Разве центр должен быть инициатором пробуждения национального достоинства? Разве я имею право говорить украинцам, какие пьесы им писать и ставить?

Другое дело — на репертуарную политику можно влиять. Что делал, например, во Франции Мальро, чтобы сохранить национальную культуру, когда началась экспансия американского искусства? Создал систему поощрений — стипендии, специальные фонды — для «выращивания» собственных талантов. Для того чтобы французская продукция могла конкурировать на телеэкране, в театрах, она дотировалась государством. К написанию сценариев, пьес привлекались новые силы: люди, которые не проявили себя в прежней профессии — актерской, режиссерской, переучивались в просветителей: рождались театры рабочих окраин... Поучительный для нас опыт.

Я думаю, что хотя мы живем в одном доме, мне меньше известно, что происходит в соседней квартире, чем ее хозяевам. Децентрализация управления, предоставление всем полной свободы — единственный путь возрождения культуры, поскольку только так возможно на деле сохранять ее многообразие. Центр — для того, чтобы поощрять межнациональные культурные взаимосвязи, помогать, если не хватает собственных сил. Ширится вот народное движение за сооружение заново Храма Христа Спасителя. Как много повсюду надо восстанавливать! Но зададим себе и такой вопрос: почему, скажем, Колизей сохраняется в разрушенном виде? Почему его не восстанавливают? Потому что это памятник времени. Бассейн «Москва» — это тоже «памятник» времени, отметина вандализма. Мы хотим об этом забыть? Надо выработать подходы, которые важнее с точки зрения истории культуры, нежели с точки зрения нынешнего времени. Не чудится ли вам в нынешних наших благородных намерениях желание прославить заодно и самих себя? Может быть, лучше строить что-то новое?

— Например, новый, богатый, современный комплекс Библиотеки имени В. И. Ленина — нашей национальной библиотеки. Был бы настоящий памятник эпохи перестройки!

— Ленинград гибнет — дворцы, музеи, парки, просто дома — катастрофа. Как только примут Закон о собственности, появится надежда — можно все это передать в собственность художникам, скульпторам, тем, кто имеет деньги и мог бы все это восстановить. В домах, связанных с именами великих людей, должны быть мемориальные уголки, обязательно какие-то экспозиции. Остальная часть здания, кроме жилых помещений, — это мастерская, библиотека, галерея, где выставляются владельцы здания. Часть доходов от галереи пойдет на сохранение и поддержание здания. Нам нужно поступиться для этого своим ложным самолюбием и, не стыдясь, обратиться к миру за помощью. К итальянцам, французам, чьи мастера — Росси, Растрелли, Монферран — вложили свой труд в этот великий город. Я уверен, весь мир заинтересован в том, чтобы это сохранилось для мировой культуры. Вот вам моя первая министерская утопия. Но, повторяю, до тех пор, пока культура будет на паперти с протанутой рукой, ничего не выйдет. Может быть, создать банк анонимных пожертвований на культуру?

— Опять утопия?

— А что? А если, предположим, кто-то украл миллион и хочет очистить свою совесть. Почему лишать его этой возможности?

Если мы не поймем, что сейчас действительно наш последний шанс, если, простите, не посвятим Отчизне души прекрасные порывы, если мы не осознаем, что необходимо большую часть времени отдавать делам, а не словам, то восторжествует прежний принцип: разделить и властвовать. А разделить и властвовать в искусстве нетрудно. Одному премию государственную, другому — поездку за границу... Пора надеть белые одежды, попроститься, как иконописцы перед работой, на время откататься от самих себя и просто работать.

— Последний вопрос. Как вам, министру, играется теперь в театре?

— Сцена помогает абстрагироваться от должности. А кроме того, это просто живая, нормальная связь с людьми, которых уважаешь, ценишь и без которых не представляешь своей жизни.